

Современная экономика КНДР и перспективы ее трансформации

© 2019

Л.В.Захарова

В статье анализируются ключевые тенденции развития экономики КНДР и основные принципы ее функционирования, рассматриваются перспективы дальнейшей трансформации экономической структуры страны. Используя системный подход и метод моделирования, автор представил модель современной северо-корейской экономики, выделив в ней несколько сфер, различающихся по преобладающим принципам управления и механизмам принятия решений хозяйствующими субъектами. Прогноз развития экономической системы страны дан в рамках четырех предложенных сценариев, сконструированных в зависимости от сочетания основных внутренних и внешних факторов.

Ключевые слова: КНДР, экономика, модель, структура экономики, санкции, социализм, рыночная экономика.

DOI: 10.31857/S013128120004643-0

В 2017 г. в ответ на ракетные и ядерные испытания Пхеньяна мировое сообщество в лице СБ ООН ввело жесткие санкции против различных секторов хозяйственного комплекса Северной Кореи, ограничив возможности внешнеэкономического взаимодействия, — экспорта, импорта, инвестиционных и транспортных связей страны. Это существенно ухудшило условия и сузило масштабы для экономического развития КНДР, вынудив руководство страны начать прикладывать усилия для ослабления санкционного нажима.

В 2018 г. ситуация вокруг Корейского полуострова улучшилась, возобновился диалог по урегулированию ядерной проблемы, потеплели отношения КНДР с Китаем и РК, состоялся первый в истории американо-северо-корейский саммит. Россия подняла в СБ ООН вопрос о необходимости ослабления санкций в ответ на предпринятые Пхеньяном меры в сторону денуклеаризации. Республика Корея открыла в КНДР офис связи и начала подготовку к соединению железных дорог двух стран, что потребовало специально одобренных изъятий из международного санкционного режима. Китай, по наблюдениям лиц, побывавших в Северной Корее, и заявлениям официальных лиц США, стал более «гибко» подходить к реализации международных ограничений в отношении КНДР.

Готовясь к восстановлению внешнеэкономического сотрудничества, Ким Чен Ын объявил о смене стратегического курса. Если с 2013 г. усилия северных корейцев были официально направлены на «параллельное ведение экономического строительства и строительства ядерных вооруженных сил», то в апреле 2018 г. на III Пленуме ЦК ТПК 7-го созыва было объявлено успешное выполнение поставленных задач и выдвинута новая стратегическая линия — сосредоточить все силы на экономическом строительстве¹. Однако никаких радикальных внутриэкономических решений для оживления экономики

Захарова Людмила Владимировна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник ИДВ РАН, доцент кафедры мировой экономики МГИМО МИД РФ. E-mail: ludmila_hph@rambler.ru.

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 17-78-10126).

руководство страны пока не принимало, вероятно, надеясь на возможности использования внешних факторов, в том числе начавшегося потепления в межкорейских отношениях.

Осенью 2018 г. стало очевидно, что ключевым вопросом для КНДР в переговорах с США о денуклеаризации является снятие экономических санкций², препятствующих экономическому развитию и модернизации страны. Однако Вашингтон настаивает на сохранении санкций до полного ядерного разоружения Пхеньяна, что в ближайшем будущем представляется маловероятным.

Добиться быстрого ослабления санкционного режима Северной Кореи не удалось. При этом экономические задачи руководством страны с повестки дня не снимаются. Во время визита в Китай в начале января 2019 г. Ким Чен Ын обратил внимание на опыт экономического развития Китая и отметил его ценность для КНДР³. Это породило новую волну рассуждений о возможности экономических реформ в Северной Кореи. В подобных условиях представляется актуальным проанализировать ключевые тенденции развития экономики КНДР и основные принципы функционирования различных ее частей, а также рассмотреть перспективы дальнейшей трансформации экономической структуры страны под влиянием внутренних и внешних факторов. Решение поставленных исследовательских задач позволит дать четкое понимание современного состояния экономической системы КНДР и вариантов ее эволюции в дальнейшем. С практической точки зрения, сделанные по итогам исследования выводы могут быть полезны для изучения возможностей экономического вовлечения Северной Кореи в международное сотрудничество с целью создания условий для дальнейшего мирного урегулирования ядерного кризиса на Корейском полуострове.

Теоретико-методологические основы исследования

Существует ряд обстоятельств, влияющих на возможности и методы изучения северо-корейской экономики, а также определяющих подходы к прогнозированию происходящих в ней процессов. Во-первых, с 1960-х годов Северная Корея не публикует подробной экономической статистики. В последние годы в некоторых публикациях и в личных беседах с иностранцами представители КНДР стали озвучивать отдельные экономические показатели, такие как объем ВВП, его структура, объем внешней торговли. Однако для построения динамических рядов этих данных недостаточно. Часто цитируемый Банк Кореи (Южная Корея) ежегодно публикует свои оценочные данные по структуре и темпам роста северо-корейской экономики, однако методология формирования этих показателей подробно не объясняется и может вызывать вопросы. В целом, в условиях недоступности подробных достоверных статистических данных по КНДР прогнозирование динамики большинства макроэкономических показателей затруднено. При этом выявление основных тенденций экономического развития с учетом имеющихся северо-корейских данных и иностранных оценок, включая статистику ООН, является вполне реальным и даже необходимым, поскольку без этого сложно выстраивать эффективную политику в отношении КНДР.

Во-вторых, частью северо-корейской пропаганды является утверждение о том, что страна находится во враждебном окружении, которое может использовать данные об экономическом развитии КНДР во вред республике. На практике это выражается в стремлении северных корейцев скрывать от иностранцев информацию о многих изменениях в экономической системе страны. Большая часть законов, в том числе касающихся экономики, не доступна для ознакомления. Исключение — то, что касается официального политического курса и условий для привлечения иностранных инвестиций. В то же время, учитывая важность «северо-корейского вопроса» в мировой политике последних лет, запрос на достоверную информацию о происходящем в экономике КНДР существует и растет. Для его удовлетворения существуют (и расширяют свою деятельность) специализированные интернет-сайты, компании, коммерческие и некоммерческие организации.

Некоторые из них активно используют имеющиеся в их распоряжении контакты с северными корейцами (в том числе перебежчиками, проживающими в настоящее время в Южной Корее) или иностранцами, посещающими Северную Корею, для получения необходимых сведений о протекающих в этой стране процессах. В результате важным источником эмпирических данных о северокаорейской экономике являются люди, имеющие доступ в КНДР, а также материалы, получаемые по неофициальным каналам.

В-третьих, в мировых СМИ часто можно столкнуться с созданием негативного образа Северной Кореи, обусловленным прежде всего политическими причинами. Закрытость страны порождает большое количество распространяемых о ней мифов и преувеличений. В связи с этим при поиске и обработке получаемых из открытых каналов данных о КНДР необходимо отсекаать ангажированные и политизированные источники и материалы. Кроме того, сбор и обработка информации о северокаорейской экономике требует постоянного применения компаративного (сравнение данных из разных источников) и аналитического (выявление основных тенденций на основе большого потока разнообразной информации) методов научной работы.

В-четвертых, на современном этапе в Северной Корее фактически сложилась гибридная экономика, часть которой функционирует в рамках директивно-плановой системы, а часть работает на основе рыночных отношений. В подобных условиях перед исследователями все чаще встает вопрос о значении и роли каждой из этих сфер в экономическом развитии страны и перспективах трансформации всей экономической системы КНДР.

В-пятых, как показывает исторический опыт, изменение внешней обстановки может оказывать существенное влияние на функционирование хозяйственного комплекса КНДР (например, распад системы социалистического сотрудничества и дезинтеграция СССР), частично определяя направление ее эволюции. Это наблюдение обуславливает необходимость исследования внешних факторов, имеющих большое значение для экономики КНДР.

Учитывая сложность объекта изучения, автор статьи использует системный подход и метод моделирования, позволяющие представить экономику КНДР в упрощенном виде, выделив при этом ее основные составляющие. С применением институционального подхода будут выявлены принципы функционирования ключевых элементов в рамках системы. Для учета влияния внутренних и внешних факторов на перспективы трансформации экономической системы КНДР будет использован метод сценарного моделирования.

На первом этапе ставится задача описать и представить в графическом виде содержательную модель современной экономики Северной Кореи. Модель конструируется методом логико-интуитивного анализа на основе систематизации понятий, характеризующих специфику изучаемого объекта и опирающихся на эмпирический массив относящихся к нему информационных данных. Анализ основных принципов, на которых функционируют ключевые составляющие экономической системы КНДР, позволит сформулировать потенциальные направления дальнейшего развития всей системы.

На втором этапе исследования ставится задача осуществить формализацию сконструированной на первом этапе содержательной модели, представив экономику КНДР в виде уравнения из нескольких переменных. Упорядоченная таким образом формализованная модель даст четкое понимание современной структуры экономики КНДР. На основе анализа различного сочетания ключевых внутренних и внешних факторов будут представлены различные варианты дальнейшего развития экономической системы Северной Кореи.

Поскольку экономическая статистика по КНДР доступна лишь фрагментарно или в виде оценок внешних наблюдателей, то главной целью построения экономической модели является не прогнозирование темпов роста или объема ВВП. Основной задачей является отражение качественных характеристик протекающих в Северной Корее экономических процессов путем выявления современного состояния и потенциальных изменений структуры экономической системы КНДР в будущем.

Теоретической базой исследования служат труды российских и зарубежных корееведов, предлагающих свои подходы к описанию структуры северокорейской экономики и социально-экономической системы КНДР. Особого внимания заслуживает коллективная монография «Неспокойное соседство: проблемы Корейского полуострова и вызовы для России»⁴, третья глава которой посвящена анализу современной экономической модели Северной Кореи. Среди зарубежных научных трудов полезные для автора теоретические подходы были сформулированы Лим Чже Чхоном в статье «Институциональные изменения в экономическом развитии Северной Кореи с 1984 г.: конкуренция между гегемонистскими и негегемонистскими правилами и нормами»⁵, а также Хон Чже Хваном в публикации «Северокорейская экономика при Ким Чен Ыне»⁶.

В качестве основных источников при подготовке статьи были использованы северокорейские публикации по экономической тематике, данные Статистического подразделения ООН и Банка Кореи (Южная Корея), аналитические работы российских, западных и южнокорейских ученых по экономике КНДР, эмпирический материал, собранный автором в ходе научной командировки в Пхеньян (середина 2017 г.), а также специализированные публикации в глобальной сети Интернет.

О классической северокорейской модели экономики и некоторых ее изменениях в начале XXI века

Исторически формирование экономического комплекса КНДР проходило в рамках плановой командно-административной системы и социалистических производственных отношений, базирующихся на государственной собственности на средства производства. Из опыта СССР были взяты некоторые черты экономического строительства, а именно: индустриализация с упором на тяжелую промышленность, кооперирование сельского хозяйства, поддержание высоких темпов роста и система централизованного управления экономикой⁷.

Целью было построение самостоятельной, диверсифицированной экономики, максимально удовлетворяющей собственные потребности. В результате в ходе проведения в КНДР индустриализации (1957–1970-е годы) особый акцент был сделан на создание импортозамещающих производств. Причем в условиях военной конфронтации с Южной Кореей приоритет отдавался развитию тяжелой промышленности (с ее ядром — ВПК) в ущерб легкой. К 1960-м годам частнокапиталистического сектора в экономике КНДР фактически не осталось, и до 1990-х годов возможности развития рыночных отношений строго ограничивались⁸. В условиях дефицита продуктов питания система нормированного распределения по карточкам, по сути, являлась единственным регулятором потребительского рынка⁹.

Характеризуя «модель» народнохозяйственного комплекса, к реализации которой стремилось руководство КНДР в начале 1980-х годов, Г.Д. Толорая выделяет такие ее черты как «собственная сырьевая база, собственное производство орудий труда, многоотраслевой характер экономики», а также независимость от внешних факторов развития. При этом, несмотря на пропаганду «опоры на собственные силы», КНДР с самого начала существенно зависела от внешних экономических связей. Для этого были как объективные, так и субъективные причины. С одной стороны, в достаточно богатой полезными ископаемыми Северной Корее, тем не менее, нет таких важных ресурсов, как нефть, газ и коксующийся уголь, что обусловило зависимость КНДР от внешних поставок нефти и кокса, а также других видов сырья. Низкий уровень экономического развития послевоенной Кореи также требовал масштабных материальных и технологических вливаний из-за рубежа. Кроме того, особенности международной обстановки периода холодной войны, наличие социалистического блока и геополитическое положение КНДР позволяли руководству страны получать льготную помощь из-за рубежа, часто в кредит.

После распада социалистического блока экономическая система страны оказалась не готова к разрыву важных для функционирования хозяйства внешних связей, что привело к кризису 1990-х годов, особенно остро проявившемуся в продовольственной, энергетической и транспортной сферах. Экономический кризис усугубился из-за постигших страну во второй половине 1990-х годов стихийных бедствий и привел к голоду, затронувшему значительную часть населения страны. Карточная система рухнула, а государство оказалось не способно удовлетворить даже базовые потребности граждан. В 1995 г. КНДР официально попросила помощи у ООН и иностранных государств — впервые с момента основания страны¹⁰. Северные корейцы были вынуждены проявлять частную инициативу, начать обмениваться, торговать, заниматься контрабандой из Китая для обеспечения собственного выживания и пропитания¹¹. В условиях снижения государственного контроля расширялась «внеплановая» самостоятельность производственных единиц. Все большее значение в удовлетворении потребностей населения стала приобретать сфера торговли и рыночные отношения (при сокращении доли снабжения через государственную распределительную систему). Изначально власти терпели происходившие процессы маркетизации как «временную меру» в борьбе с «временными трудностями»¹², однако в отсутствие альтернативы развитие Северной Кореи пошло по пути формирования смешанной экономики.

Кризис 1990-х годов стал поворотным моментом для социально-экономической системы КНДР, вызвав к жизни существенные институциональные изменения в экономической сфере. Не имея возможности полностью восстановить прежние социалистические порядки, руководство Северной Кореи пошло на официальное признание и закрепление части начавших происходить в экономической системе в 1990-е годы изменений¹³. После внесения поправок в Конституцию КНДР в 1998 г. в ней появились такие понятия, как стоимость, цена, прибыль, свойственные капиталистической модели развития. Таким образом, стала создаваться гибридная институциональная среда, сочетавшая как социалистические, так и капиталистические правила и нормы¹⁴.

Была проведена ограниченная реформа (известная под названием «государственные меры от 1 июля 2002 г.»), затронувшая некоторые показатели, характеризующие переход экономики к рынку (цены, зарплату, самостоятельность предприятий в рамках хозрасчета). При формальном сохранении государственной собственности на средства производства наметился частичный отход от планово-централизованной системы управления¹⁵. Официальное признание получили рынки, на которых можно было продавать и покупать товары с некоторыми ограничениями. Государство повысило зарплаты и официальные цены, сделав последние ближе к рыночным. Расширилась самостоятельность предприятий, что давало возможность их директорам продавать продукцию, произведенную сверх плана¹⁶. В результате развитие северокаорейского экономического комплекса стало протекать в условиях сочетания централизованного планирования с элементами рыночной экономики.

В основу управления предприятиями в КНДР долгие годы была положена внедренная в 1961 г. Тэанская система работы. Ее суть — коллективное руководство, которое осуществляет партийный комитет в целях усиления политического руководства и сочетания политической работы с административно-хозяйственной деятельностью. Таким образом, единоначалие директора предприятия было отменено и заменено на коллективное руководство парткома во главе с партийным секретарем. В то же время уже с 1970-х годов руководство страны начинает уделять внимание использованию экономических рычагов в экономике (прежде всего в форме хозрасчета)¹⁷, однако их реальное применение фактически началось в КНДР только после кризиса 1990-х годов.

В 1990-е годы стали создаваться условия для формирования *de facto* частных предприятий. Однако соответствующего юридического оформления в КНДР они не получали, и их функционирование осуществлялось под вывеской государственных учреждений¹⁸.

В 2000-е годы подобные «квазигосударственные предприятия» продолжили свое развитие в различных сферах — от добывающей промышленности и рыболовства до сферы услуг. В области производства потребительской продукции малые и средние предприятия КНДР по сути стали функционировать на принципах самофинансирования и самоуправления, что было вызвано, прежде всего, дефицитом сырья и инвестиций в этой сфере¹⁹.

При Ким Чен Ыне официальный рыночный сектор получил дальнейшее развитие. Если в 2010 г. в КНДР насчитывалось около 200 рынков, то в 2016 г. их стало уже более 400²⁰.

В управлении государственными предприятиями стали происходить институциональные перемены, что отразилось в поправках к Закону КНДР о предприятиях, принятых в 2014 г. В частности, в главе 3 новой редакции Закона, посвященной органам управления предприятий, не упоминается Тэанская система работы, а права директора по управлению предприятием существенно расширились. В частности, директорам гарантированы широкие права по участию во внешней торговле, созданию совместных предприятий, а также предусмотрена возможность привлечения инвестиций от частных корейских инвесторов²¹. Институционализация отдельных рыночных элементов, таким образом, была нацелена на создание благоприятных условий для экономического роста с использованием как внешних, так и внутренних факторов.

В сельском хозяйстве кооперативы, которые раньше практически весь полученный урожай сдавали государству, теперь получили возможность самостоятельно распоряжаться существенной частью выращенной продукции (по разным данным, от 30 до 50%) — как в производственных целях, так и для распределения среди членов кооператива в зависимости от объема произведенной ими продукции.

В целом, среди основных принципов управления экономикой в печатных северокорейских изданиях при Ким Чен Ыне свое место прочно заняли слова о материальном стимулировании и максимальном обеспечении практической выгоды в хозяйственных делах²². Внедряемые при молодом лидере «методы экономического управления нашего образца» позволяют и даже поощряют использование частных инвестиций. Если в рамках этого тренда государство пойдет на хотя бы ограниченное официальное признание частной собственности на средства производства, это будет означать коренные перемены в экономической системе страны²³.

Модель современной экономики КНДР

На современном этапе в экономике КНДР по сути сосуществуют социалистические и капиталистические институты и принципы функционирования. К первым относятся, прежде всего, сохраняющаяся общественная форма собственности на средства производства, административно-плановый характер производства, государственная система распределения (в существенно сократившемся виде), методы нематериального стимулирования (например, массовые мобилизационные компании под идеологическими лозунгами). Капиталистические элементы широко представлены в виде распространения товарного обмена, расширения форм самостоятельного материального обеспечения производства, включая привлечение частных инвестиций, а также производственных процессов, направленных на извлечение прибыли и включающих меры материального стимулирования работников. На макроуровне в структуре современной экономики КНДР можно выделить несколько ключевых сфер в зависимости от преобладающего механизма управления (централизованное планирование или рыночные отношения) и основы для принятия решений хозяйственными субъектами (директивы государственных органов или частная инициатива, основанная на поиске материальной выгоды).

К первой сфере можно отнести военно-промышленный комплекс, управление которым сохраняется в руках государства и основано на социалистических принципах.

Для его работников во многом сохраняется карточная система обеспечения продовольствием и товарами первой необходимости, существуют плановые задания и материальное снабжение для предприятий. При этом, по некоторым данным, и в этой сфере начались процессы децентрализации, проявляющиеся, например, в функционировании коммерческих фирм, связанных с экспортом вооружений²⁴.

Оценить объемы северокорейского ВПК довольно сложно. В расходах госбюджета КНДР на оборону выделяется около 16%²⁵. Однако весьма вероятно, что часть расходов на «строительство экономической державы» (47,5%) также в первую очередь направляется в предприятия, обслуживающие нужды ВПК.

Вторая сфера настоящей модели представлена гражданской экономикой, которая функционирует на основе сочетания планирования и рыночных отношений. В ней можно выделить несколько секторов:

- сельское хозяйство (сельхозкооперативы), сочетающие административные методы управления с частичной самостоятельностью в хозяйственной деятельности и материальным стимулированием;

- ряд крупных структурообразующих объектов промышленности и инфраструктуры, включая энергетику, крупные оросительные хозяйства, находящиеся под государственным управлением и финансированием²⁶;

- средние и малые предприятия, производящие потребительские товары. Им часто свойственна самостоятельная организация снабжения и сбыта (после выполнения плана, если он есть); присутствуют частные, кооперативные, смешанные формы бизнеса²⁷;

- сфера услуг, в которую входят государственные услуги (образование, здравоохранение и т.п.) и коммерческие услуги, включая торговлю, рестораны, коммерческие перевозки, туризм, финансовые услуги и т.п. Рыночный сектор услуг в последние годы бурно развивается, при этом, по южнокорейским оценкам, доля государственных услуг в ВВП КНДР в 2,5 раза больше, чем негосударственных²⁸.

В третью сферу входят специальные экономические зоны, функционирующие на капиталистических принципах с привлечением иностранного капитала. Среди них — Расон, Кымгансан (до 2008 г.) и Кэсон (до 2016 г.), а также потенциально — зоны экономического развития, о создании которых было объявлено в 2013 г.

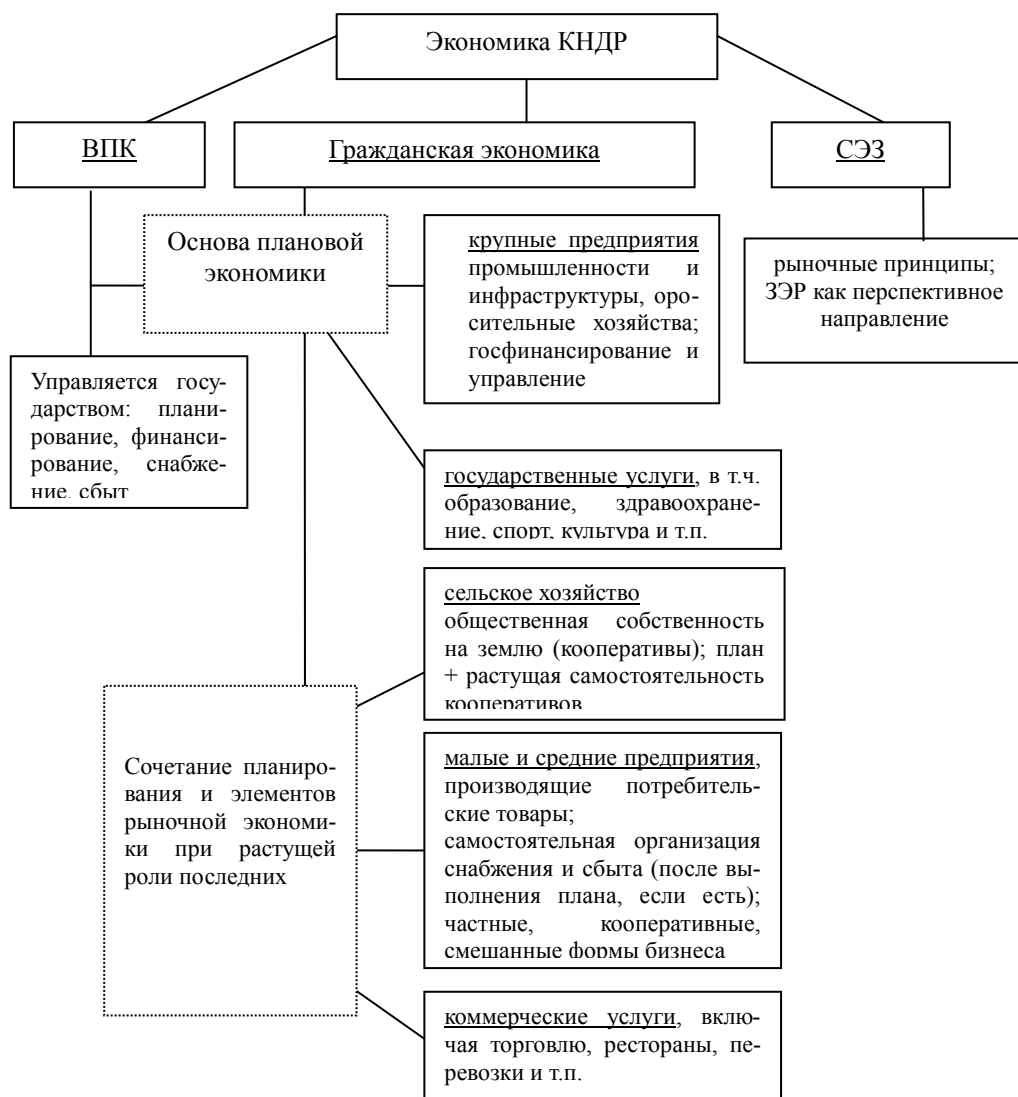
Описанную таким образом структуру северокорейской экономики можно представить в виде совокупности переменных, учитывающих в том числе превалирующие в каждой из сфер механизмы управления:

$$\Sigma = Dp + (Ap + Am) + (Ip + Im) + (Sp + Sm) + Zm,$$

где Σ — экономика КНДР; Dp — это ВПК, функционирующий в рамках плановой экономики; Ap — плановый сектор сельского хозяйства; Am — рыночный сектор сельского хозяйства; Ip — плановый сектор гражданской промышленности; Im — рыночный сектор гражданской промышленности; Sp — сфера государственных услуг; Sm — сфера коммерческих услуг; Zm — специальные экономические зоны (рыночный сектор).

Данная совокупность может быть применена и к описанию структуры ВВП КНДР, если заменить входящие в нее переменные статистическими данными о стоимости произведенных в каждой из выделенных сфер товаров и услуг за конкретный год. Подобная задача выглядит нетривиальной в условиях острой нехватки статистических данных по экономическому развитию КНДР на современном этапе. Автор данного исследования попытался приблизиться к ее решению, используя данные о структуре ВВП КНДР за конкретный год на основе имеющейся статистики. В распоряжении автора имеются статистические данные за 2013 г. из первоисточника (КНДР), Статистического подразделения ООН, а также Банка Кореи (РК). При этом данные по структуре ВВП КНДР от ООН и Банка Кореи совпадают, поэтому анализ проводится с учетом данных из двух источников.

Ниже представлено графическое изображение описанной структуры.

По статистике КНДР, в ВВП страны за 2013 г. (около 25 млрд долл.) на долю промышленности приходилось 41,4%, на сельское хозяйство — 12,6%, строительство — 13,5%, другие отрасли — 32,5%²⁹. По данным Банка Кореи, на промышленность, включая электроэнергетику и водоснабжение, в ВВП КНДР в том же году пришлось 39,8%, сельское хозяйство, лесное и рыбное хозяйство — 22,4%, строительство — 7,8%, сферу услуг — 30%³⁰. Учитывая некоторые расхождения в данных из двух источников, представляется целесообразным вычислить средние значения и представить их в виде равенства, характеризующего структуру ВВП КНДР в 2013 г. Таким образом, мы получим соотношение различных сфер экономики КНДР, выраженное через показатель их доли в ВВП страны:

$$\text{ВВП КНДР} = A (17,5\%) + I (40,6\%) + C (10,65\%) + S (31,25\%),$$

где *A* — сельское хозяйство и рыболовство; *I* — промышленность; *C* — строительство; *S* — сфера услуг.

Структура ВВП в условиях стабильного развития без особых потрясений является относительно устойчивым соотношением удельного веса различных секторов. Строительство, выделяемое в статистике КНДР, осуществляется на основе сочетания рыночных принципов и планирования. Путем сопоставления двух равенств и экстраполяции количественных данных о структуре ВВП КНДР на модель структуры всей экономики мы можем представить последнюю в следующем виде:

$$\Sigma = 17,5\%(Ap+Am) + 40,6\%(Dp+Ip+Im) + 10,65\%(Cp + Cm) + 31,25\%(Sp+Sm) + Zm,$$

где *Cp* — строительство в рамках плана; *Cm* — строительство на рыночных принципах.

Статистических данных о доле СЭЗ в ВВП КНДР в открытом доступе нет, однако исходя из отраслевой специфики и методов управления, производимые в рамках СЭЗ товары и услуги можно было бы внести в доли рыночного сектора гражданской промышленности и строительства, а также сферы коммерческих услуг. В представленной модели, тем не менее, целесообразно сохранить отдельно выделяемую переменную *Zm*, учитывая политику руководства страны, направленную на существенное увеличение количества СЭЗ и привлечение в них инвестиций.

Прогрессивная роль СЭЗ в КНДР заключается в том, что здесь проходят адаптацию рыночные методы, включая конкуренцию и условия найма северокорейской рабочей силы³¹. Изначально они создавались как изолированные анклав для привлечения иностранных инвестиций (Расон, Синийджу, Кымгансан, Кэсон) и заработка иностранных валюты. Однако после принятия в 2013 г. Закона о зонах экономического развития стало возможно их функционирование как территорий с льготным режимом для инвесторов, работающих на рыночных принципах. Причем законодательство КНДР предполагает возможность для предприятий из ЗЭР приобретать на территории КНДР вне соответствующей экономической зоны нужные для хозяйственной деятельности сырьевые и материальные ресурсы или продавать выпускаемые ими изделия³². При определенных условиях и поощрении местных властей это может привести к росту количества подобных районов (их уже заявлено более 20), использование выгодных условий которых может способствовать развитию местного предпринимательства.

Из представленной выше модели видно, что на современном этапе КНДР является индустриальным государством с достаточно крупным сельскохозяйственным сектором и среднеразвитым сектором услуг, которые функционируют в условиях смешанной экономики. С точки зрения институциональной основы экономической система КНДР пока не сильно изменяется, так как сохраняется общественная собственность на средства производства. С точки зрения механизма управления экономикой — происходят подвижки, так как планирование по сути сочетается с самостоятельными (в рамках имеющихся ресурсов или возможностей их получения) решениями предприятий и домохозяйств. С точки зрения основы для поведения потребителей и производителей также можно отметить сочетание указаний сверху и стремления к получению прибыли.

Руководство страны при Ким Чен Ыне активно использует распространяющиеся в обществе рыночные процессы для извлечения прибыли и достижения экономического роста, по сути поощряя дальнейшее использование капиталистических методов хозяйствования в тех сферах, где государственных ресурсов не хватает. Происходит сращивание планового и рыночного секторов, их взаимопроникновение и даже в некоторой степени симбиоз. Однако внутренних ресурсов КНДР недостаточно для обеспечения необходимых инвестиций в модернизацию инфраструктуры и производственных мощностей, а также полноценного удовлетворения потребностей населения, особенно возросших в последние годы. В связи с этим северокорейское руководство продолжает курс на рас-

ширение внешнеэкономических связей как через развитие торговли, так и с использованием инструментов СЭЗ. Таким образом, в самой структуре современной северокорейской экономики заложен потенциал ее трансформации по пути расширения рыночного сектора, прежде всего в сфере производства продукции широкого потребления, строительства и услуг, а также внешнеэкономического сотрудничества.

Перспективы трансформации структуры экономики КНДР

Ключевыми факторами, влияющими на изменение структуры экономики КНДР в мирных условиях в среднесрочной и долгосрочной перспективе, являются внутренний (экономическая политика государства) и внешний (позиция иностранных государств по вопросу развития экономических отношений с КНДР — санкции или сотрудничество). В зависимости от их действия и сочетания будет происходить и процесс изменений в экономике страны. Рассмотрим 4 сценария развития событий.

Внутренний фактор Внешний фактор	Поощрение рыночных отношений, рыночные реформы	Ужесточение госконтроля, наступление на частный сектор
Ослабление санкций, расширение торгово-экономического сотрудничества, приток иностранных инвестиций в КНДР	Сценарий 1	Сценарий 2
Усиление международных экономических санкций, экономическая изоляция КНДР	Сценарий 3	Сценарий 4

Сценарий 1, при котором и внутренние, и внешние факторы благоприятствуют изменениям в северокорейской экономике в сторону распространения рыночных элементов, вплоть до проведения системной рыночной реформы с частичной приватизацией. В структуре экономики при этом возможен быстрый рост удельного веса рыночного сектора сельского хозяйства, промышленности и сферы услуг (с возможностью перехода части государственно-планового сектора на капиталистические принципы функционирования). Роль специальных экономических зон в северокорейской экономике тоже существенно повысится как количественно, так и качественно. Внешнеэкономическое сотрудничество при этом сможет играть роль катализатора (через механизм СЭЗ) изменений с перспективой интеграции КНДР в региональные экономические проекты.

В настоящее время, учитывая сохранение жестких санкций СБ ООН против КНДР, развитие подобного сценария выглядит маловероятным. Однако именно благоприятные внешние условия необходимы северокорейскому руководству для проведения в стране системных реформ, о важности которых многие десятилетия говорят специалисты, указывая на пример Китая (или Вьетнама). Тем не менее, возможности использования китайского опыта у КНДР ограничены. В отличие от КНР, население которой накануне начала «политики реформ и открытости» было преимущественно аграрным (83,3%³³), по данным переписи 2008 г., в сельском хозяйстве Северной Кореи было занято лишь 36% экономически активного населения³⁴, поэтому системные реформы в КНДР не могут начинаться с реформ в аграрном секторе в той степени, в которой это было в Китае. Сельское хозяйство КНДР также существенно зависит от промышленности, а именно от удобрений и электроэнергии для ирригации. В связи с этим именно крупный промышленный сектор должен будет стать локомотивом процесса трансформации всей экономической системы страны, подтягивая за собой сферу услуг³⁵.

Как отмечают специалисты, рост гражданских отраслей экономики КНДР в последние годы обеспечивается не только бюджетными ассигнованиями, но и деятельностью своеобразных «чеболей» в их северокорейском варианте (например, группы «Тэ-сон», «Мокран», «Кымган»), представляющих собой горизонтально интегрированные предприятия из различных сфер (от производства до услуг), выросшие из государственных или даже военных структур³⁶. Руководство КНДР могло бы использовать элементы южнокорейской модели догоняющего развития, сочетавшей государственное планирование с созданием условий для роста крупного частного бизнеса. При этом важным фактором будет являться налаживание внешнеэкономического сотрудничества для обеспечения материальной базы реформ.

Сценарий 2 теоретически возможен, но в короткий период (с переходом в сценарий 4). Например, если КНДР удастся добиться ослабления санкций и расширения внешнеэкономического сотрудничества, но для поддержания внутренней стабильности (сохранения нынешней политической системы) руководство примет решение о сворачивании рыночных реформ и усилении государственного контроля над обществом и экономикой. Это быстро приведет к новым санкциям и оттоку иностранного капитала, оставив КНДР в экономической изоляции. Структура экономики КНДР в этом случае может потерять важные рыночные элементы развития (например, в сельском хозяйстве крестьян обяжут вновь весь урожай сдавать государству, в промышленности национализируют нужные государству де-факто частные производства, репрессировав обогатившихся «капиталистов»), а ограниченные ресурсы будут распределяться в пользу государственного сектора.

Сценарий 3 в умеренном варианте разворачивается в настоящее время. В условиях жестких внешних ограничений для экономического сотрудничества и привлечения капитала из-за рубежа руководство КНДР фактически поощряет развитие рыночных отношений, поскольку государство имеет с этого прибыль (в виде квазиналогов и сборов), а также использует рыночные механизмы для снабжения планового сектора и достижения экономического роста³⁷. Однако системные реформы при наличии внешней угрозы вряд ли будут проведены, оставляя возможности для устойчивого сбалансированного развития экономики ограниченными.

При этом насущная необходимость внешних экономических связей для заработка валюты и функционирования экономики будет вынуждать северных корейцев использовать нелегальные схемы (контрабанда, иностранные посредники и т.д.) и не запрещенные санкциями пути внешнеэкономической деятельности (криптовалюта, въездной туризм и т.п.). В этом сценарии структура экономики КНДР не претерпит существенных изменений в обозримом будущем. Серьезными препятствиями для достижения устойчивого экономического роста будут являться нехватка электроэнергии и сырья, а также требующая модернизации инфраструктура³⁸.

Сценарий 4 теоретически может воплотиться как продолжение второго или третьего сценария, если руководство КНДР, ощущая внешнюю угрозу, начнет чувствовать и угрозу стабильности режима, исходящую от растущего рыночного сектора. Попытки наступления на рыночный сектор в современной истории КНДР уже предпринимались. Самой радикальной из них была денежная реформа 2009 г., которая фактически обесценила сбережения граждан в национальной валюте³⁹. Ее непреднамеренным результатом стало расширение использования иностранной валюты в неофициальном секторе экономики и дальнейшее распространение частных финансовых услуг.

В настоящий момент сценарий 4 выглядит маловероятным, поскольку в неблагоприятных внешних условиях именно рыночные механизмы позволяют руководству КНДР поддерживать функционирование экономики. Стратегия Ким Чен Ына заключается в том, чтобы послабления в экономической области сопровождались закручиванием гаек во внутривластной сфере, что позволяет сдерживать даже намеки на недовольство со стороны населения и элиты. Результаты западных исследований показывают,

что пока руководству КНДР удастся предотвращать появление опасных для него политических последствий развития рыночного сектора⁴⁰.

* * *

Подводя итог, можно выделить ключевые тенденции и принципы функционирования экономики КНДР на современном этапе.

С одной стороны, в условиях невозможности государства обеспечить все необходимые ресурсы для планового развития во всех отраслях, в сфере гражданской экономики и секторе услуг растет частная инициатива граждан в организации производства и обеспечении потребления. Под брендом «нашего метода управления экономикой», при котором рыночные механизмы используются в качестве дополнительных в рамках плановой экономики, продолжаются поиски «своего пути» в обновлении экономической модели посредством осторожных экспериментов⁴¹.

Ключевой вопрос, определяющий дальнейшие перспективы трансформации экономики КНДР, — как обеспечить институциональные рамки де-факто частных (или государственно-частных) производств и компаний в условиях формального сохранения общественной собственности на средства производства. В настоящее время значительная часть рыночных отношений в экономике КНДР является юридически незаконной, что оставляет для руководства страны широкие возможности по «сворачиванию рыночного эксперимента». Однако наступление на частнокапиталистические элементы, от которых во многом зависит работа и государственно-планового сектора (особенно в части снабжения и внутренних инвестиций), при неблагоприятных внешних условиях представляется маловероятным.

Для повышения производительности труда и развития импортозамещающих производств с целью достижения самообеспеченности страны руководство КНДР делает ставку на науку и современные технологии⁴². Однако без крупных инвестиций в транспортную инфраструктуру и энергетику создать условия для устойчивого роста экономики вряд ли удастся. Внутренних ресурсов на это не хватит, необходимы финансовые, материальные и технологические вливания из-за рубежа. В связи с этим руководству КНДР придется продолжать курс на выход из санкционной изоляции для расширения внешнеэкономического сотрудничества. В случае успешного решения задачи по восстановлению отношений с другими странами продвигаемые руководством КНДР зоны экономического развития могут стать плацдармом (и одновременно тестовыми площадками для законодательных инициатив) дальнейшего распространения рыночных отношений в экономической системе страны.

1. Корея сегодня. 2018. № 5. С. 15.

2. North Korea threatens to restart nuclear program unless U.S. lifts sanctions // Washington Post. 03.11.2018.

3. Kim Jong Un, Xi Jinping held fourth summit on Tuesday, Xinhua confirms // NK News. 10.01.2019. URL: <https://www.nknews.org/2019/01/kim-jong-un-xi-jinping-held-fourth-summit-on-tuesday-xinhua-confirms/> (дата обращения: 11.01.2019).

4. Неспокійне сусідство: проблеми Кореїського півострова і виклики для Росії: колективна монографія / [А.В. Торкунов и др.]; под ред. Г.Д. Толорая; МГИМО (У) МИД России. М.: МГИМО-Университет, 2015. 344 с.

5. *Lim Jae-Cheon*. Institutional Change in North Korean Economic Development since 1984: The Competition between Hegemonic and Non-Hegemonic Rules and Norms // Pacific Affairs. 2009. Vol. 82. No. 1. P. 9–27.

6. *Hong Jae Hwan*. North Korean Economy in the Kim Jong-un Regime / Korea Institute for National Unification // Study Series 18–03. August 2018. 66 p.

7. Толорая Г.Д. Народнохозяйственный комплекс КНДР. М., 1984. С. 6–7.
8. Dukalskis A. North Korea's Shadow Economy: A Force for Authoritarian Resilience or Corrosion? // *Europe-Asia Studies*. 2016. Vol. 68. No. 3. P. 494.
9. Неспokoйное соседство... С. 70.
10. Smith H. North Korea: markets and military rule. Cambridge University Press, 2015. P. 201.
11. Ibid. P. 206.
12. Ibid.
13. Lim Jae-Cheon. Op. cit. P. 10.
14. Ibid. P. 20.
15. Неспokoйное соседство... С. 57.
16. Hong Jae Hwan. Op. cit. P. 23–24.
17. Синицын Б.В. Корейская Народно-Демократическая Республика (К 40-летию освобождения Кореи). М.: Знание, 1985. С. 29–30.
18. Lankov Andrei, Ward Peter, Yoo Ho-yeol, Kim Ji-young. Making Money in the State: North Korea's Pseudo-State Enterprises in the Early 2000s // *Journal of East Asian Studies*. 2017. No. 17. P. 51.
19. Неспokoйное соседство... С. 61.
20. Hong Jae Hwan. Op. cit. P. 33.
21. Ward Peter. Market Reforms with North Korean Characteristics: Loosening the Grip on State-Owned Enterprises. URL: <https://www.38north.org/2017/12/pward122117/> (дата обращения: 15.09.2018).
22. О Корее. 5. Экономика. Пхеньян: Изд-во лит. на иностр. яз., 2016. С. 10–12.
23. Hong Jae Hwan. Op. cit. P. 28.
24. Постсоциалистический мир: итоги трансформации / под общ. ред. С.П.Глинкиной: в 3 т. СПб.: Алетейя, 2018. Т. 3: Азиатские модели реформирования. Возможности и вызовы для России / отв. ред. Г.Д.Толорая. С. 123.
25. ЦТАК. 30.03.2016.
26. Постсоциалистический мир... С. 123.
27. Неспokoйное соседство... С. 62.
28. The Bank of Korea. Gross Domestic Product Estimates for North Korea in 2017. Press Release. 20.07.2018.
29. Investment Guide to the Democratic People's Republic of Korea / DPRK: Korea Foreign Investment and Economic Cooperation Committee. 2016. P. 18.
30. The Bank of Korea. Gross Domestic Product Estimates for North Korea in 2014. Press Release. 17.07.2015.
31. Неспokoйное соседство... С. 64.
32. Внешняя торговля КНДР. 2015. № 4. С. 5.
33. Пивоварова Э.П. Социализм с китайской спецификой. М.: ИД «ФОРУМ», 2011. С. 71.
34. DPR Korea 2008 Population Census National Report / Central Bureau of Statistics. Pyongyang, 2009. P. 195.
35. Haggard S., Noland M. Hard Target: Sanctions, Inducements, and the Case of North Korea. Stanford (Ca): Stanford University Press, 2017. P. 235.
36. Новации во внешней и внутренней политике КНДР. Реакция основных региональных акторов // «У карты Тихого океана». Информационно-аналитический бюллетень № 37 (235). Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН. С. 17.
37. Hong Jae Hwan. Op. cit. P. 37.
38. Increasing autonomy for North Korean enterprises // *Daily NK*. 10.09.2018. URL: <https://www.dailynk.com/english/increasing-autonomy-for-north-korean-enterprises/> (дата обращения: 14.01.2019).
39. Lankov A. The Real North Korea: Life and Politics in the Failed Stalinist Utopia. NY: Oxford University Press, 2013. P. 126–129.
40. Dukalskis A. Op. cit. P. 489.
41. Азиатские соседи России: взаимодействие в региональной среде: коллективная монография / под ред. Г.Д.Толорая; Институт экономики РАН. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и Ко», 2016. С. 130.
42. Hong Jae Hwan. Op. cit. P. 24.